

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я.МАРРА

Н.Я. МАРР

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

ТОМ ВТОРОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1936

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я. МАРРА

Н.Я. МАРР

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1936

Отв. редактор *А. Г. Иоаннисян*. — Техн. редактор *П. С. Смирнов*
Корректор *К. А. Гранстрем*

Сдано в набор 9 января 1936 г. — Подписано к печати 30 декабря 1936 г. — Соцэкгиз № 1654.
Леноблгорлит № 16961. — Тираж 5000 экз. — Формат бум. $72 \times 110\frac{1}{16}$. — Объем 45,24 уч.-авт. л.
337/8 печ. л. $16\frac{15}{16}$ б. л. Тип. зн. в 1 бум. л. 135 000. — Заказ № 1038.

Цена книги 16 р. 50 к., переплет 1 р. 50 к.

Орудивный и исходный падежи в кабардинском и абхазском¹

§ 1. Так как специально о кабардинском не приходилось печатно высказываться с уточнением, необходимо и в интересах разъясняемой здесь морфологической подробности подойти к делу по-новому, т.-е. подойти к языку не как к однородному массиву, а как к составу из различных наслоений, отложений, получившемуся или в результате скрещения различных социальных группировок, впоследствии этнических образований, с их у каждого особой уже сложившейся звуковой речью, или в результате отложений стадийных трансформаций, произведенных внутренней жизнью самого народа-языка в зависимости, разумеется, от всех языкотворческих факторов. Такой осложненный состав присущ всем языкам, не только их группам, т. е. не только, например, черкесская группа со включением и адигейского и кабардинского, но и каждый отдельный язык, равно, далее, каждая так называемая диалектическая его разновидность, требует особого учета этого состава разных наслоений и разных отложений. Сравнение языков, хотя бы наречий, даже говоров, как цельных массивов, это отказ от исследования не только происхождения речи (это, допустим, для старой лингвистической школы не представило бы беды: вопрос о происхождении ей представляется выходящим из круга научных интересов, метафизическим), это отказ от исследования и истории ее развития, в частности истории развития каждого отдельного языка в целом. Поэтому-то нам было бы важно констатировать в кабардинском, хотя бы в каком-либо его диалекте, для определения известного наслоения или отложения один такой существенный формальный признак как экание, оформление слов гласным «е». В кабардинском языке, быть может, в его одном лишь говоре, рядом с губной огласовкой (о ↔ и ↘ э) наблюдается слой с огласовкой «е».

Не касаясь пока ни черкесской группы, ни кабардинского языка в целом, мы довольствовались бы наличием хотя бы одного слоя с огласовкой «е», допустим, вклада экающей группы, характеризуемой формально как спирантная при учете соответствия ее огласовки «е» аканию свистящей и оканию шипящей группы. Так как добрый слой абхазского языка представляет вклад общественной среды с речью свистящей группы, то, естественно, в таком случае можно было бы находить в корреспонденции с кабардинским (одного слоя) эканием акание (также одного слоя) абхазских эквивалентов. Такое соотношение между грузинским (эkanie одного слоя) и абхазским (акание одного слоя, акание в таком случае и в мегрельском и чанском языках) это факт, составляющий одну из основ статической сравнительной грамматики яфетических языков южнокавказской общности. Установление факта, что в районе черкесо-абхазского расселения та или иная так наз. группа выделялась социально (а не физиологически, конечно!) огласовкой «е», имеет громадное значение для восстановления утерян-

¹ Доложено в ОГН 3 V 1928 [напечатано в ДАН В, 1928, стр. 219—221].

ных связей языков и народов, не имеющих ныне по «катедральной науке» ничего общего между собой. Откуда, однако, пошла мысль, что огласовка «е» имела такие корни, геср. права гражданства, в указанном районе? Ответу: из древнейшего текста, имеющегося в распоряжении палеонтолога речи. Это — топонимика. И вот из топонимического текста черкесо-абхазского расселения мне достаточно сослаться на такие названия населенных пунктов, точнее, на одно такое название в двух разновидностях населенных пунктов, как, с одной стороны в Тwa-фse, Мако-фse и др., в их второй части -фse, какое бы значение ей ни придавать,¹

другой — Te + bel-da в Абхазии (абх. Та-bal) и Te + ber-da в черкесской так или иначе части, чтобы быть на страже соответственных фонетических исканий тем более, что огласовка «е» неразрывно связана, как это указывалось, с самим племенным названием *ʒer-kes*, геср. **qer-kes*, засвидетельствованным в древней письменности его разновидностью *ker-kef*² (Керхэтай, Керхэтио, Керхетхйо), равно средневековыми племенными названиями того же района, такими, как печенеги (при акании груз. რაინაგ), не говоря о этнотопонимических терминах и Крыма отнюдь не недавней даты.

Обнаружены черкесские древности в Воронежской губ., но эти древности новейшего времени, XVII в., как мне разъяснили специалисты по материальной культуре названного района. Между тем черкесский язык выявляет свое ближайшее сродство с таким несомненно древним названием реки, как «Днѣпръ», ибо *rg* в данном топонимическом термине лишь привесок к более древним названиям *Dney* ← **Den-1* || *Don* ↔ *Dun* (*Dun-ay*) || *Dan* ← *Tan* (*Dan-u + b*, *Tan-ay + is*), означавшим все одинаково 'воду'; из них *don* 'вода', национализованная осетинским социальным объединением, есть достояние шипящей группы, проникшее в виде *ʒon* со значением 'дождя' (← 'воды') в армянскую среду (ныне это слово народного языка); *tan* → *dan* посему следовало бы быть в грузинском, как языке свистящей группы, но грузинский успел его усвоить опять-таки с эканием в основе глагола *den-a* 'течь' (сюда же и *ten-1* 'сырость'), аор. *1-din-a* (с пассивной основой морфологической стадии развития речи — *din*), отгл. имя *m-din-ar-e* 'река'. Привесок же *rg*, означающий, как не раз приходилось отмечать, также 'воду', геср. 'реку', является, с одной стороны, разновидностью кб. *фsə* (← *фse*) 'река', 'вода', с другой — основы сванского глагола *h-bŕ-e* 'мыть', т.-е. опять объединение языков, которым присуще экание, и в таком существенном термине как 'вода', 'река'.

Правда, 'река', 'вода' в кабардинском с редукцией огласовки в «э» — *фsə*; такой же звуковой комплекс во второй части составного названия населенного пункта, именно ныне города Туапсе, какого бы он значения ни был (здесь, конечно, не 'воды' или 'реки'), в кабардинском *Twàфsə*, в шапсугском, абадзехском, темиргойском, бжедухском как будто с полной утратой исходного гласного *Twaфs*, но все это требует прежде всего тщательной проверки на местах и в то же время

¹ Не надо увлекаться ее значением 'вода', геср. 'река', забыв палеонтологически установленный полисемантизм 'воды'.

² Н. Я. Марр, К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа, ИАН, 1916, стр. 1406.

четкого установления, является ли редуцированный звук «э» закономерным ослаблением губного «о» или в черкесском он — ослабление одновременно губного «о» и небного «е»,¹ как, например, в армянском, здесь (особенно в народном армянском) губного «и» и небного «и». Сейчас, впрочем, мы замыкаемся в этнологические, вернее пережитые социологические нормы черкесо-абхазского района, и, естественно, книги в руки черкесоведам, из коих на первый план сейчас приходится ставить Н. Ф. Яковлева не только по времени появления только недавно его труда «Материалы для кабардинского словаря, вып. 1. Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога».²

Мне подсказывают, что буква «е» в транскрипции Н. Ф. Яковлева не имеет значения «е», что это — «а» или близкий к нему звук. Если это так, то наше построение, в части об экании кабардинского, выдвигает лишь проблему, но еще не решает ее. Потому-то свои суждения об этой части высказываем условно. Но на необходимости чуткого внимания к наличию экания тем не менее мы настаиваем. Сама работа Н. Ф. Яковлева нам не дает основания сомневаться в произношении «е», как «е». Кроме того, проверка того же материала М. А. Бидановым³ мне выявила хотя бы в двух случаях существование и ныне произношения «е» (а не «а»).

§ 2. И потому к иллюстрации такого положения дела я пользуюсь рядом примеров из цитованного труда, причем после сделанной оговорки излишне было снабжать звездочкой или хотя бы вопросительным знаком случаи с огласовкой «е», приведенные пока все-таки как проблематичные, за исключением разве *geđ* 'курица'.

1. кб. *we* (Б.: *wa*) || абх. *wa-* 'ты', кб. *we-re* (Б.: *wa-ra*) || абх. *wa-га* 'ты'.

2. кб. *se* (Б.: *sa*) || абх. *sa-* 'я'.

3. кб. *ше* 'без' ← **шег* (см. § 4) || абадз. *шэ* || груз. *dal* 'сила' [← 'рука'] → *đl-ev-a* 'давать', по палеонтологии ← 'рука'.

4. кб. *bde-zey* || [**a-ɸsa + đ*] || кб. *bzazéy*, *bjäjeŷ* || абх. *a-ɸsə-đ*, абадз. *фдэ* (редко), *фдэj* (обычн.) 'рыба'.

5. кб. *ме* 'на', 'бери' || Б.: *ма* 'возьми' — 'рука', см. стр. 238; а *тə* 'яблоко', 'кислица' || *ма* (✓ *mal-* в средиземноморских языках), *resp. va* в скрещенном груз. *va-шl* (← *va-шал*) 'яблоко'.

6. кб. *пе* 'глаза', 'глаз' и т. п. || *се па* → *la:* абх. *à-la* 'глаз', груз. *па + q-a* 'он увидел', основа двухэлементная ДС имени *pađ*, означавшего, следовательно, 'глаз'.

7. кб. *je* 'время года', 'пора' || *ja* в составе скрещенного арм.-груз. *ja-т* 'время' ~ [y]а-т ([y]а-то в род. [y]а-то-у) → арм. а-т 'год', абх. а+т-*да*, с префиксом *à-äшда* → *à-äшд* 'время'.

8. [кб. **ке* 'дым',] бск. *ке* 'дым' || *абх. [ка] || *ко* ↔ *ku* (✓ *kur*) в груз. *ko-mł* → нар. *kwa-mł* 'дым', русск. «кур» 'дым', 'смрад', 'чад' и производные.

¹ См. Н. Ф. Яковлев, *Материалы для кабардинского словаря*, стр. XVIII—XIX.

² Центральное издательство народов СССР, М., 1927.

³ В цитатах ниже под буквой Б.

9. кб. *ʃe* 'кисть (руки)' ← 'рука', *he* '*рука' → глг. 'неси' в составе *ʃhe* 'лежать *неси*' (*he*) || абх. аг- 'рука' в агга 'рука правая', абх. аг-та 'рука левая',¹ м. *ʃa* ← *ka* / *kal* (во мн. ч.), а- в арм. а-ճ 'рука правая', Б.: шапс., абадз., темирг., бжед.: *ʃa* 'рука'.

10. кб. *he* 'ячень' / **heg* (груз. *qeg* 'ячень') || абх. а-*qag* ← арм. *gar*-1, бск. *gaḡ* + а-*gar*, Б.: абадз., кб., общечерк. *ħa*.

11. *ged* 'курица' (Б.: кб. *ǰed* → темирг., абадз. *ǰeǰə*), груз. *ged* 'лебедь', *gedes* (верхнекб.) 'курятник' (Б.: другие — *ǰedəš* → *ǰeǰəš*) || груз. *qa* + *ǰam*² 'курица', абх. а-*k* + *tə* (← **ku-to*) *id.*, ч. *qo-ǰu-me id.*, ср. *kur-tu-mo*.

§ 3. В значении 'силы' в абхазском используется другой элемент, именно В, если не ВС — а-*mǰ*, чем абхазский сближается с русским, где «мочь», «мощь», и их родня того же состава.³ Однако и элемент А с тем же значением существовал в абхазском, этому свидетель *ǰaḡa* 'очень', 'весьма', букв. 'сильно', что восходит к архетипу *ǰal*, или **ǰag*, все равно, имеем ли в абхазском наречии образа действия в роли этой функциональной частицы, означающей 'руку' а) слово «а» (← аг-, см. абх. *ǰg-ǰa* 'рука правая', *ǰg-ta* 'рука левая'),⁴ и в таком случае само слово 'сила' — *ǰag*, или б) слово *ga* (элемент D, что в па- из состава скрещенного образования а-па + рə 'рука'), и тогда слово 'сила' звучало с усечением плавного *ǰa*,⁵ т. е. в том виде, в каком то же слово сохранилось в шумерском (здесь и с глухим зубным *ta*) в значении 'стороны'. Утрату аффрикатности абхазский допускает часто, в данном случае одинаково с баскским, где, в составе скрещенного слова *in-ǰag* 'сила', вторая часть *ǰag* представляет именно наш термин в простом одноэлементном виде. В прабаскском, впрочем, этот элемент со значением 'руки', семантического архетипа 'силы', существовал и в разновидности с низшей глухой ступенью начального согласного — *sal*, от которой происходит баскский глагол *sal-du* 'продавать' (← 'давать').

Если ориентироваться с учетом палеонтологически установленного семантического пучка 'рука+женщина+вода', то при наличии у басков скрещенного *an-ǰer-e* 'женщина' формовку входящего в его состав слова *ǰer* с огласовкой «е» имеем основание предполагать также в баскском и для значения 'рука', как то мы наблюдаем в арм. *ǰer-əp* (др.-л.), здесь с сохранением аффрикатности зубного.

§ 4. Исключительная важность господства этой огласовки (е), если бы она была констатирована с бесспорностью, именно хотя бы в одном из отрезков распространения кабардинской речи, состоит, во-первых, в том, что это дает возможность для первого ориентировочного определения схождения и расхождения кабардинского, благодаря общности этой особенности у него со сванским языком, языком спирантно-шипящим по «скрещению», следовательно, собственно, спирантным слоем

¹ См. ниже, стр. 237 и 238.

² Н. Я. Марр, Абхазско-русский словарь, Введение, стр. XVII.

³ Н. Я. Марр, Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык [изд. Ленинградского Восточного института. Труды языческого семинария, IV] в цитатах далее Пост. уч. об языке и абх.), стр. 21—221.

⁴ Пост. уч. об языке и абх., стр. 35.

⁵ Аффрикатно *ǰa*, что в абхазском налично в роли суффикса со значением 'сильно', 'очень', 'весьма'.

сванского, во-вторых, в том, что то же самое явление его роднит с господствующим слоем яфетических переживаний в русском языке, который также характеризуется огласовкой «е».¹ Не осталось дело и без вклада этой огласовки в грузинскую речь. Сейчас не касаюсь ее сильнейшего воздействия на имерский говор, достаточно сослаться, как на типический пример, на слово 'как?' — им. *geveu*, *resp. reve* *вм. gava* [ɣ], 'много' — *brevet* *вм. mɔvəl* 'много' и т. п. Не углубляясь в мотивировку той же огласовки, как сказали бы мы раньше, изначальной или природной для грузинской речи, можем утверждать, что этот фонетический вклад определяет добрую половину самых бесспорных социально национализированных грузинских слов, выявляемых как таковые и составом их согласных и поддержкой самого гласного «е», закономерно корреспондирующим «а» в соответственных словах чанского и мегрельского языков. Обращаю внимание на чисто спирантные особи бесспорного обще-обиходного или древнелитературного словаря или на сибилантные, но не грузинской (свистящей) нормы, одинаково огласованные эканием, так — груз. *qel* (др.-л. *qel*) 'рука', груз. *qe* 'дерево', груз. *qe+v* 'ущелье', 'речка' и т. п., груз. *er* 'народ', 'войско' (др.-л.), 'нация' (народн.), груз. *er* (← *yer*, *resp. her*) 'рука' → 'средство' в роли послелого с значением 'через', 'из', 'от', из сибилантных *ɟer*: 1) 'раз', 2) 'доля', 'порция', 3) 'нужно' [— '*рука'], следовательно, разновидность с подъемом кб. *ʃe*, в архетипе **ʃer*. Тот же вид слова 'рука' с глухим начальным аффрикатом *ʃ* и *ɟ* лежит в основе глагола *ɪ-ʃer-s* 'держит', *da-ɪʃra* [опять с пассивной основой морфологической стадии развития речи — *ɪr*] 'он изловил его', *da-a-ʃra* 'надавил на него' и т. п.; формально с *ʃer* неразрывно связана и основа *ɟer*, и потому естественно было думать, что образованный от нее грузинский глагол в аор. *ga-a-ɟer-a* 'остановил' надо понимать как дальнейшее развитие значения 'удержал' (← 'рука'), между тем *ga-a-ɟer-a* уже морфологически полученная побудительная, или каузативная форма, так называемая III порода, т. е. 'заставил стоять', от непереходного глагола *ga-ɟer-d-a* 'он остановился', основа которого *ɟer* означала 'ногу'; совпадение же глаголов, происходящих один от 'руки', а другой от 'ноги', объясняется тем, что 'рука' и 'нога' долго выражались одним словом.² Также с *se* 'я' органически связано указательное местоимение первого лица, и кб. *se* 'я' целиком покрывается словом *se* 'этот', что в составе груз. *e-se* 'этот' и т. п.

Точно так же кб. *me* 'на' (← 'рука') → 'бери', 'возьми' имеет своего полного представителя *mer* в армянском 'близь' *mer-d*, палеонтологически означающем 'руку (*mer*) правую (*d*)', ср. *d* в арм. *a-d* 'рука (*a* ← *ar*) правая (*d*)'.

§ 5. Также общий и в то же время специальный для нашего вопроса об орудивном падеже интерес представляет трактовка плавного в исходе.

Как в абхазском, так и в кабардинском, плавный исход, особенно *ɣ*, падает (не всегда, впрочем, бесследно); так *pe* 'нос' восходит к архетипу *per*, эквиваленты которого в грузинском *vir* в составе скрещенного *ɟɔ-vir* 'нос', в армянском *fer* (✓ *fer* ↔ *fir*) 'нос' в составе производного от него глагола др.-л. *fer+ən-ɟ-*

¹ Н. Я. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, стр. 24 сл. [ИР, т. V, стр. 337 сл.].

² Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык, стр. 19—21.

al||-el 'чихать', нар. фəḡ+əш-t-al, равно фəḡ+əп-g-al id. Сюда же, конечно, и абх. а-фəпцə 'нос'.

Однако когда это же слово имеет в своем полисемантизме значения и 'конца', 'острия', и 'начала', 'первого', то необходима предварительная палеонтологическая проработка со стороны семантики.

Важный по связи с космическим мировоззрением пример утраты плавного исхода представляет кб. гə 'арба' (в абазд. фə для отличия от гə 'сердце'), черкесо-абхазское разложение слова gu, с двойником по губной огласовке go в баскском, в нем же полнее goy, но всегда со значениями из круга 'неба' с дериватами 'высокий' и т. п. Восходят go ↔ gu к архетипу gog ↔ gug, что дает основу простую в глаголе gog-a+v-s 'катится', удвоенную — в имени груз. gog-gog 'колесо', без озвончения начального согласного — kur, и оно также налично в русском с присущим грузинскому продвижением согласных к началу — в составе двухэлементного (AC) скрещенного «кру-г»; это же слова двойник og ↔ ug (← *hug / kur), элемента A, наличного в составе скрещенного образования абх. a-og+dəп → a-wag+dəп 'арба', двухэлементного (AC), того же, что представляют греч. ὄγ+ап-ὸς (← ug+ап-ὸς) 'небо' и его дериваты арм. др.-л. զօգ-ալ 'свод', 'палатка', арм. др.-л. વəг-ալ (← ug-ап) 'палатка', равным образом с ним по первой составной части отождествляются чув. ug+a-βa 'арба', груз. ug+e-m id. и их в космическом еще восприятия 'неба' существовавшие дериваты, как-то русское «время» (← *ug+e-men). У термина в одних только перечисленных языках многочисленные разновидности, учитываемые легко при элементарном знании палеонтологии значимостей, именно того, что 'круг' увязан с 'небом', равно с небом увязана 'птица', в том числе вопреки известной поговорке и 'курица', посему, напр., а) основу gug мы имеем у грузин, казалось, в удвоенном, на самом деле скрещенном двухэлементном др.-л. gwr-gwn 'гром', семантическом деривате 'неба' (нар. gvir-gvin, в архетипе gug-gun), с двойником *gog-шug, скрещением из элементов AB, что налицо с грузинским продвижением согласных в первом элементе к началу (A: gro-) и с усечением второго элемента (B: m), как у грузин, в русском слове «гро-м», б) основу kur, в порядке семантической увязки 'птицы' с 'небом', у грузин с продвижением согласных к началу — kgi, как в русск. «кру-г», в составном слове kgi-q 'наседка', собственно 'курица', букв. 'птица (kgi ← kur) женщина' (q ← qe, см. св. qe 'женщина' в qelḡf-qe 'царевна' букв. 'царь женщина'), у русских без перестановки согласного kur+i-ḡa, где -ḡa, суффикс, указывающий женский пол, как бск. -ша, диал. -sa, пережиток яфетического слова 'женщина' — sal, наличного в этом виде у шумеров и у грузин, у последних с подъемом (s → z / ḡ) ḡal (в составе s-ḡal 'невеста', 'невестка', букв. 'женщина дома') и далее — ḡal, пережиток которого в русском суффиксе -ḡa есть разновидность слова ḡol 'жена', усвоившего у грузин мегрело-чанскую (шипящей группы) губную огласовку.

В названиях птиц, вообще в терминологии по царству пернатых этот элемент имеет сильное развитие, увязываясь часто и теперь со словами, означающими 'небо', и его семантическими дериватами. Так, по семантическому положению «часть по целому», от 'птицы' название перешло на 'крыло', и самое русское

слово «кры-ло», как бы ни рассматривать вторую часть -ло (мн. -да «-ля»), как суффикс или элемент скрещения, первая часть кгы, на яфетической почве, есть ослабление kgu, без перестановки — kog ↔ kug, все то же наше слово 'птица', гесп. 'небо' → 'птица'.

В названиях птиц мы его встречаем и одноэлементно и в скрещенном двухэлементном образовании двух видов, именно со вторым элементом то В, то С, напр.:

А) одноэлементно: груз. qog (← kog) 'коршун'.

В) двухэлементно — а) АВ: груз. og-b 'орел' (← 'небо'), архет. *og-bel, гесп. *og-vel, откуда русск. «орёл» || лат. og-bi-s (og-be) 'круг' (← 'небо').

б) АС: груз. kog-an 'ворон', греч. og-πι (ὄρνις) ← или *og-πι, тогда туда же, или og-πι (↔ -πε), и в таком случае второй элемент (D), общий со средиземноморско-русским миром || греч. ὄγ-αν (ὄρνις) ↔ πг-ан 'небо', шум. an 'небо' → 'бог', абх. an 'бог', коми in 'небо', русск. «не-бо» («-бес»), греч. пе-φελ-ē 'облако', лат. пе+bul-а 'туман', да и в берберском.¹

В результате трудно расстаться с конечным плавным, выпроводив его как своего рода выскочку только на том основании, что в том или ином языке, палеонтологически не проработанном и, естественно, ни с одной из других систем не увязанном, такой плавный исход отсутствует.

Скажут, таково положение и в китайском. Совершенно верно, таково отношение в пекинском китайском без исходного плавного сравнительно с кантонским, но разве китайский язык изучен палеонтологически?

§ 6. 'Образ', да и 'орудие' во всех языках выражалось словом 'рука'. А ит. -mente, фр. ment и т. д., восходящие к лат. mens, род. mentis 'ум'? Очевидно, вопрошающему невдомек, что 'душа', 'ум', 'мысль', т. е. все эти термины надстроечного мира — позднейших эпох, когда речь уже выражала в звуковой речи и 'образ', и 'способ', и 'орудие', функционально перенесшие на себя название 'руки', и лишь анахронистически увязывается ит. mente, представляющем разновидность имени лат. mens, с его позднейшим значением. В кругу яфетических языков во всяком случае соблазна к такого рода анахронизмам не существует.

В абхазском 'рука' сейчас а-па+рѐ, т. е. скрещенное образование из двух элементов DB, как русское слово la-ра, и в той социальной среде, где слагалось образование, соответствующее нашему творительному падежу как образа действия, так и орудия, 'рука' выражалась словом в один элемент D, и звучало оно не па, как в скрещенном ныне абхазском образовании а-па+рѐ, а как его разновидность la, отсюда — тѐд-là 'силой', 'сильно', букв. 'сил-^Гы¹ рук-^Гой¹'.

Соответственно используемые поныне у грузин в значениях 'раз', 'доля', 'порция', 'должное', 'нужное' или глагола 'держаль', 'ловить' и т. п. (если не говорить о глаголе 'останавливать', 'стоять' от основы дег по связи уже с 'ногой') разновидности ter → дег → дег, на низшей ступени с утратой исходного плавного представленные у кабардинцев в послелогое ше со значением 'без',² все одинаково

¹ Н. Я. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus, Сообщения ГАИМК, т. II, стр. 372—415.

² См выше, стр. 236.

восходят к семантическому архетипу 'рука', и в той социальной среде, где слово *te*, с утратой исходного плавного в разновидности с сохранением аффрикатности *te* или без нее *te*, было в общем обиходе в значении 'руки', как у армян его ближайшая разновидность *deṭ* (др.-л. *ḍəṭ-ən*) 'рука', да, по всей видимости, и пра-басков,¹ там сложилось и кабардинское выражение 'таким образом', 'итак', 'так' *n-te* и орудивный падеж с помощью суффикса *-te*.

А если эти разновидности одного и того же слова от элемента А имеют лишь огласовку «а»? Существование палеонтологического анализа орудивного падежа останется в неприкосновенности. Только при расширении сравнительного материала, дающего опору для отождествления с орудивным падежом исходного, будет последовать необходимость отстранить от отождествления с кабардинским армянский суффикс отложительного (исходного) падежа *-te* ($\rightarrow -de$) $\leftrightarrow -ti$, равно *-ti-*, и в баскском *-ti+k* (в сулетинском наречии без придаточного *-k*), придется остановить внимание, при огласовке «а», на шумерском суффиксе *ta* в значении 'из'.² И в то же время лишь придется констатировать, что пока настал для науки час исследования и черкесской речи, из соответственной языковой среды успела улечься столь важная по социальному охвату фонетическая норма, как экание.

¹ См. выше, стр. 237.

² Fr. Delitzsch, SG, 1914, § 75: «Hauptbedeutung ist die Bezeichnung des *terminus a quo* 'aus', 'von', 'weg-von'».